

Л. А. Андреева, Глагольные конструкции с посессивными суффиксами в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ханты-Мансийск 2008. 193 с. + прилож. 13 с.

5 марта 2008 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Людмилы Анатольевны Андреевой на тему «Глагольные конструкции с посессивными суффиксами в марийском языке».

Работа выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора Ю. В. Андуганова и доктора филологических наук доцента Е. А. Цыпанова на кафедре финно-угроведения и общего языкознания Югорского государственного университета. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куллин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Г. В. Пунегова (Сыктывкар).

При существенных успехах в изучении отдельных классов словосочетаний финно-угорских языков марийское языкознание не располагает синхронно-диахронической характеристикой глагольных конструкций с посессивными суффиксами, без чего нельзя дать углубленную интерпретацию процессам исторической эволюции категории притяжательности.

Следовательно, одной из существенных задач марийского языкознания является научный анализ инфинитивных, деепричастных, глагольных (с личными формами глагола в главной части) конструкций с посессивными суффиксами, определяющими названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. Таким образом тема работы Л. А. Андреевой актуальна и обращение к ней своевременно не только в свете общетеоретических проблем финно-угро-

ведения, связанных с категорией принадлежности, но и для разработки частных вопросов, характеризующих особенности протекания действия, которые составляют т. н. акционсарт, в отличие от видов глагола.

Работа состоит из предисловия (с. 7—11), введения (с. 12—17), основной части, включающей четыре главы (с. 18—162), заключения (с. 163—173). Библиографический список (с. 171—191) содержит 50 наименований художественных произведений и образцов речи отдельного говора марийского языка; материалы диалектологических экспедиций сектора языка МарННИИ (1952—1953 гг.); 145 научных трудов—монографий, книг, статей; 27 диссертационных работ и рефератов. Завершает работу приложение: 42 таблицы занимают 13 с. В таблице 1.1. приведены основные случаи дистрибуции посессивного суффикса при инфинитиве на *-аш*. Квантитативный анализ типов инфинитивных конструкций (всего — 416) дается в 4 таблицах: 1.2.1. Конструкции с одной зависимой словоформой — 252 (60,6%), 1.2.2. Усложненные конструкции с двумя зависимыми распространителями — 127 (30,5%), 1.2.3. Усложненные конструкции с тремя зависимыми распространителями — 27 (6,5%), 1.2.4. Усложненные конструкции с четырьмя зависимыми распространителями — 10 (2,4%).

Таблицы наводят на определенные размышления. Возникает вопрос: чем обусловлено возникновение конструкции с четырьмя зависимыми распространителями? Является ли она типологической чертой синтаксической структуры агглютинативного языка или характеризуется как результат конвергентных изменений языка? См. пример усложненной конструкции с четырьмя зависимыми распространителями: *Nakk + NPost + Inf -aš + Nill +*

G šyla Pх, где Nakk — существительное в винительном падеже, NPostp — существительное с послелогом, Inf -aš — инфинитив на *аш*, Nill — существительное в направительном падеже, G šyla — деепричастие на *-шыла*. Следует заметить, что *ы* в транскрипции передается графемой *ѣ*, а не *у*. *Шѣргым леве вѣд дене шѣлгаш чуланыш нурышыжла, вуйжым ѳкымын рѣзалгыш тудо* 'Когда он зашел в чулан, чтобы сполоснуть лицо теплой водой, он нехотя покачал головой' (с. 105). Перевод на русский язык не совсем точен. Надо 'Заходя в чулан сполоснуть лицо теплой водой, он нехотя качнул головой'.

Что касается разделов четырех глав, то они далеко не однородны как в смысле полноты, так и особенно по характеру изложения. В одних случаях Л. А. Андреевой удалось привлечь материал всецело и дать всесторонний анализ его, в других — фрагментарно, не претендуя на систематизацию отдельных глагольных конструкций с притяжательными суффиксами из-за редкой их встречаемости. Так, сочетание деепричастия на *-де* и модального глагола в роли основного члена словосочетания встречается в шести примерах. В 17 примерах они, будучи в составе неполного предложения, не образуют словосочетаний (с. 116). Автор выявила лишь один пример на употребление деепричастия на *-де* с посессивным суффиксом в усложненной конструкции с двумя зависимыми распространителями (с. 117).

Композиция работы подчинена решению поставленной цели — лингвистическому анализу глагольных конструкций с посессивными суффиксами в марийском языке в синхронном и сравнительно-сопоставительном аспектах, описанию современного употребления и функций посессивных суффиксов при глагольных формах. Теоретической и методологической основой исследования стали труды, посвященные общим и частным вопросам анализа смысловых отношений между компонентами словосочетаний.

Исследование проводилось с помощью синхронно-дескриптивного метода при использовании элементов компонентного анализа, а также сопоставительного метода с привлечением данных родственных (иногда и неродственных) языков. Использован и квантитативно-статистический метод (с. 8).

В предисловии (с. 7—11) обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность; формулируются цель и задачи работы; указываются источники и материалы исследования; интерпретируются лингвистические методы и приемы, раскрывается научная новизна работы, ее практическая и теоретическая значимость.

Введение (с. 12—17) посвящено анализу литературы о посессивных суффиксах в отдельных финно-угорских и самодийских языках. Л. А. Андреева справедливо констатирует, что наличие посессивных суффиксов в финно-угорских (уральских) языках — это уникальное явление, поэтому неудивительно, что в работах по морфологии на притяжательные суффиксы обращалось особое внимание. Она отмечает, что объектом рассмотрения данной работы являются конструкции с личной формой глагола, инфинитивом на *-аш* и деепричастиями на *-мек*, *-мешке*, *-шыла*, *-н*, *-де*, оформленными посессивными суффиксами. Распространенность таких конструкций иллюстрируется примерами из художественных текстов, а показатель частоты их употребления определен посредством подсчетов и выявлена при этом их доля среди зафиксированных примеров (с. 13, 17).

Однако отдельные работы, затрагивающие некоторые аспекты этой проблематики, остались вне поля зрения Л. А. Андреевой. К ним можно отнести монографию Б. А. Серебряникова «Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление» (Москва 1988), одна из глав которой (с. 5—67) содержит характеристику категории принадлежности.

Глава 1 «Инфинитивные конструкции с посессивными суффиксами

в марийском языке» (с. 18—56) посвящена содержанию понятия «инфинитив», его общей характеристике как грамматической категории марийского языка; дистрибуции посессивных суффиксов при инфинитиве на *-аш*; к описанию конструкции с одной зависимой словоформой; анализу усложненных конструкций с двумя, тремя и четырьмя зависимыми распространителями.

Л. А. Андреева обоснованно отмечает, что содержание термина «инфинитив» различно в языках разных систем. Так, в индоевропейских языках инфинитив — неспрягаемая форма, выступающая в функции лексического компонента аналитических форм глагола и участвующая в глагольных сочетаниях, формируемых модальными, фазовыми глаголами, глаголами побуждения, намерения и др. В традиционной русистике, как она подчеркивает, инфинитив выделяется как отдельная инфинитивная форма. Ссылаясь на работу И. В. Бондаренко, она констатирует, что «в большинстве тюркских языков отчетливый тип инфинитива еще не установился» (с. 19).

Следует отметить, что весь анализируемый в главе материал строго систематизирован. Она богата ценными сведениями об инфинитивных конструкциях. Инфинитивные конструкции с одной зависимой словоформой составляют 60,6%, далее по нисходящей идут усложненные конструкции с двумя (30,5%), тремя (6,5%) и четырьмя (2,4%) зависимыми распространителями (с. 56).

Глава 2 «Деепричастные конструкции с посессивными суффиксами в марийском языке» (с. 57—117) состоит из 6 рубрик и 33 подрубрик, включая краткие выводы в конце главы.

Бесспорный интерес в этой главе представляют выводы об особенностях деепричастия марийского языка. По мнению автора, 1) деепричастие выражает те зависимости, отношения между ситуациями (денотатами простых предложений), которые в европей-

ских языках выражаются при помощи союзных скреп, 2) зависимое деепричастное сказуемое помимо специфики самого деепричастного оформления получает и специфическое личное оформление; 3) главным отличием деепричастий от финитных форм является невозможность для них быть конечным сказуемым. Это ограничение обусловлено тем, что сами деепричастные аффиксы выражают факт (а каждый из них — определенный тип) зависимости. Следовательно, деепричастие — это глагольная форма, содержащая показатель определенного рода зависимости по отношению к другой форме. Это зависимости или темпорального плана (одновременно, раньше, позже), или по характеристике действия (каким образом происходит событие); 4) в некоторых случаях деепричастия на *-меке*, *-мешке*, *-н*, *-де* способны иметь при себе, как и наречия, суффикс сравнительной степени *-рак*, который, присоединяясь к деепричастию, вносит в его общее временное значение оттенок приближенности, неточности, что не является основным значением суффикса *-рак*; 5) деепричастия могут принимать усилительные частицы *-ак*, *-ат*.

Отсюда автор делает вывод о том, что деепричастие — это инфинитивная, неспрягаемая форма глагола, функционирующая как зависимое (неконечное) сказуемое и выражающая определенный характер отношения обозначаемого действия к другому (главному) действию. В марийском языке деепричастия объединяют признаки глагола, существительного и отчасти наречия и являются изменяющимся лексико-грамматическим классом. Они могут принимать посессивные суффиксы, суффикс сравнительной степени, усилительные частицы *-ак*, *-ат* (с. 64—65).

Рассматривая конструкции с деепричастиями на *-меке*, Л. А. Андреева подметила, что они осложнены вспомогательными, модальными глаголами (с. 73). В этой связи интересно бы узнать, какие глаголы фигурируют в разряде модальных?

Суффикс *-шыла*, по мнению автора работы, употребляется в центральной диалектной зоне (с. 94). Возникает вопрос: какие диалекты марийского языка образуют центральную зону? По материалам исследования суффикс *-шыла* функционирует как в говорах лугового и горного наречий, так и в отдельных диалектах восточного наречия (с. 94). Встречается он и в эрзянском говоре северо-западного наречия, например: *толшыла* 'приходя, возвращаясь', *кейшыла* 'уходя'.

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что деепричастия на *-н* с Rх чаще сочетаются с существительными, личными местоимениями с послелогом — 13 примеров (с. 112), а посессивные суффиксы чаще присоединяются к деепричастиям на *-де* в сочетании с модальными глаголами — 87% (с. 116).

Глава 3 «Конструкции с личной формой глагола с посессивными суффиксами» (с. 118—127) невелика по объему. Она состоит из пяти подразделов. Не останавливаясь на детальном анализе содержания главы, следует отметить, что с основными положениями, изложенными в ней, нельзя не согласиться.

Глава 4 «Функции посессивных суффиксов при глагольных формах в марийском языке» (с. 128—162) написана на основе анализа научной литературы и обширного фактического материала. Функции посессивных суффиксов при глагольных формах автор выделяет при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-шыла*, *-н*, *-де* и личной форме глагола (с. 137). Нельзя не согласиться с Л. А. Андреевой в том, что «посессивный суффикс 3 л. ед. ч. употребляется при личных формах глаголов в усиительно-выделительной (в случаях контраста и эмпазы), а также указательной (в случаях анафоры и ассоциативной маркированности) функции. Во всех случаях употребление Rх при личных формах глаголов является факультативным и зависит от выбора говорящего подчеркивать значимые для него слова» (с. 162).

Теоретическая часть работы завершается заключением (с. 163—170), содержащим выводы по четырем главам.

В техническом отношении труд выполнен надлежащим образом. Материал строго систематизирован, в нем выявлено основное. Благодаря тщательной работе, Л. А. Андреевой удалось сформулировать обобщающие выводы об особенностях употребления посессивных суффиксов при глагольных формах, в частности, при личных формах глагола, инфинитиве на *-аш* и деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-шыла*, *-н*, *-де*; впервые установлены модели глагольных (главный член — личная форма глагола), инфинитивных и деепричастных конструкций с посессивным суффиксом; разграничены функции посессивных суффиксов при глагольных формах.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что Л. А. Андреева решила многие ключевые вопросы марийского языкознания, до сих пор остававшиеся нерешенными. По содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Наблюдения и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна. Поэтому они могут быть использованы при сравнительном и типологическом изучении синтаксиса других финно-угорских языков и соседних тюркских языков Урало-Поволжья, а также найдут применение при разработке лекционных курсов по морфологии, синтаксису марийского языка, а также спецкурсов по финно-угроведению в вузах республики Урало-Поволжья и Институте языка, истории и культуры народов Югры в Югорском государственном университете (г. Ханты-Мансийск).

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address:
Anatolij Kuklin
Mari State Pedagogical University
E-mail: markaf@mgpi.mari.ru
Phone: +8362 455645